
Е. В. Литовских

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СНОРРИ СТУРЛУСОНА ПРИ НОРВЕЖСКОМ КОРОЛЕВСКОМ ДВОРЕ

Исландец Снорри Стурлусон был не только знаменитым писателем и историком. Он зарекомендовал себя выдающимся политическим деятелем на внутривластной арене и попытался выступить в качестве дипломата при дворе конунга Хакона Хаконарсона. Однако его дипломатическая деятельность в Норвегии обнаружила столкновение двух различных дипломатических практик: исландской, основанной на личных связях крупнейших знатных родов, в которых важную роль играли узы родства и свойства, и норвежской, иерархическо-феодальной. Снорри был последним исландским хёвдингом, который проводил самостоятельную исландскую внешнюю политику, что вместе с попыткой строить отношения с представителями норвежской власти по исландскому образцу стоили ему жизни.

Ключевые слова: Снорри Стурлусон (1178–1241 гг.), «Сага об исландцах», Хакон IV Хаконарсон Старый (1204–1263), международная дипломатия

Знаменитый средневековый исландский писатель, историк и политик Снорри Стурлусон родился в 1178 г. на хуторе Лощина¹ в Долинах в Западной четверти. Он принадлежал к богатому и знатному роду Стурлунгов, ведшему свою генеалогию от первопоселенца Йорунда Годи. В XII–XIII вв. Стурлунги представляли собой один из влиятельнейших родов Исландии. В дальнейшем они породнились с *Oddaverjar* («жителями Одди»), именующимися так по своему родовому хутору, расположенному в Западной четверти в устье Кривой Реки.

Родителями Снорри были Стурла Тордарсон Старый (1116–1183 гг.) и его вторая жена Гудню Бёдварсдоттир (1147–1221 гг.). Снорри был младшим сыном в семье, его родными братьями — Торд (1165–1237 гг.), отец исландских писателей Стурлы

---

¹ Др.-исл. Hvammr. Совр. хутор Хваммюр — место, где первой поселилась Ауд Глубокомудрая и ее внук Олав Фейлан.

Тордарсона (1214–1284 гг.) и Олава Тордарсона Белого Скальда (1210/12–1259 гг.), и Сигхват (1170–1238 гг.).

В качестве компенсации и гаранта примирения между Стурлой и Палем Сёльвасоном выступавший судьей в их тяжбе Йон Лофтссон (1124–1197 гг.), внук Сэмунда Сигфуссона Мудрого (1056–1133 гг.) и потомок внебрачной дочери норвежского конунга Магнуса Голоногого (1093–1103), взял Снорри, когда тому было примерно три года, в Одди на воспитание (*Íslendinga saga*. Кар. 1. Bls. 67). На хуторе была школа и богатая библиотека. По особенностям стиля Снорри (у него совершенно отсутствуют латинизмы, равно как и ссылки и аллюзии на латинскую литературу) ученые делают вывод о том, что в Одди давали светское воспитание и образование с упором на изучение собственно исландской истории (Джаксон 1993; Мельникова 2016. С. 311; Jón Viðar Sigurðsson 2017. P. 25–30). Это воспитание не могло не повлиять на Снорри, в том числе сформировав его политические воззрения.

О жизни и политической деятельности Снорри мы знаем в основном от его племянника Стурлы Тордарсона, описавшего этот период исландской истории в своей «Саге об исландцах» (*Íslendinga saga* 1946; Стурла Тордарсон 2007)². В фактологических вопросах мы можем полагаться на достоверность саги, которая писалась практически по горячим следам произошедших событий — если не участники, то их ближайшие родственники были еще живы и равно заинтересованы в правдивом освещении событий. При этом Стурла старательно придерживался саговой нейтральности изложения, открыто не оправдывая ни одну из сторон конфликта.

Из «Саги об исландцах» известно, что Снорри прожил в Одди до самой смерти своего воспитателя Йона³ (*Íslendinga saga*. Кар. 10. Bls. 74), а в 1199 г. переехал на хутор Городище⁴ на Болотах, который получил с приданым своей первой жены Хердис,

---

² *Íslendinga saga* — одна из так называемых «саг о современности», написанная до 1284 г. Она имеет рекордное по продолжительности для своего жанра время действия (повествует о событиях 1183–1264 гг.) и является одним из главных источников, рассказывающих об эпохе Стурлунгов. Подробнее о ней см.: Pétur Sigurðsson 1933–1935; Guðni Jónsson 1981; Rohrbach 2017. P. 95–99.

³ Связи Снорри с жителями Одди на этом не прекратились. Впоследствии внучка Йона Лофтссона и дочь Орма Йонссона со Двора Широкого Шара (ум. 1218 г.) Хальвейг (1199–1241 гг.) стала третьей и последней женой Снорри.

⁴ Др.-исл. Borg. Совр. город Боргарнес, бывший в свое время местом жительства знаменитого скальда Эгиля Скаллагримссона (910–995 гг.), авторство саги о котором приписывают Снорри.

дочери Берси Вермундарсона Богача (ум. 1202 г.). Снорри не отличался постоянством и кроме детей от этого брака — старшим и самым известным из них был Йон Малёк⁵ (1203–1231 гг.), которого прочили в наследники — Снорри у него было несколько побочных, среди которых печально прославился Орэкья (1205–1245 гг.) (Íslendinga saga. Kap. 16. Bls. 80).

С 1206 г. Снорри жил в Дымном Лесу⁶ в Городищенском Фьорде и предводительствовал в этой округе. Лидерство в этом старейшем региональном объединении в Исландии, стало, по справедливому мнению Сверрира Якобссона, отправной точкой его политической карьеры (Svertir Jakobsson 2009. P. 113–118). Обширные родственные связи и талант посредника на переговорах привели к тому, что уже в 1215 г. Снорри был выбран законоговорителем альтинга⁷, т.е. высшим исландским должностным лицом. Вместе с этой должностью он получил максимально возможную в те времена в Исландии светскую политическую власть и добился ее, как считается, благодаря своим личным качествам (Jón Viðar Sigurðsson 1989. Bls. 89–124). Это отмечается и в «Саге об исландцах»: «его (Снорри. — *Е.Л.*) слава здесь в стране стала наибольшей... распоряжения, которые он отдавал, оказывались наиболее разумными»⁸.

Летом 1218 г. в возрасте 40 лет в расцвете своей политической карьеры Снорри покинул Исландию, отправившись в Норвегию по приглашению норвежского конунга. Обычно в Норвегию ездили молодые исландцы. Такие поездки позволяли им получить опыт и доказать свою состоятельность в статусе взрослого мужчины. В сагах есть целая серия описаний того, как юноша-герой отправляется в заморскую торговую поездку, викингский поход или на службу ко двору норвежского конунга и лишь по возвращении домой он получает земельное владение, обзаводится семьей и завоевывает авторитет в самой Исландии. Однако у Снорри на мо-

---

⁵ Др.-исл. Murtr, досл. «мелкая форель». Данный вариант перевода прозвища на русский язык принадлежит А.В. Циммерлингу. Прозвище было дано ему из-за того, что в детстве Йон отличался маленьким ростом.

⁶ Др.-исл. Reykjaholt. Совр. село Рейкхольт.

⁷ Законоговоритель (др.-исл. *lögsögumaðr*) — высшая исландская правовая должность, предполагающая знание законов и их оглашение со Скалы Закона на альтинге (общем собрании всего исландского свободного населения). Законоговоритель выбирался на три года, но многие из них избирались по несколько раз (иногда подряд).

⁸ «Gekk virðing hans [Snorri] við mest hér á landi... hafði hinar bestu forsagnir á öllu því er gera skyldi» (Íslendinga saga. Kap. 34. Bls. 105).

мент поездки уже были и земельное владение, и семья, и дети, и высокий политический статус. Все это выделяет его поездку из обширной череды рядовых путешествий молодых исландцев. Поездку Снорри, которую обычно рассматривают в связи с его интересом к истории норвежских конунгов (который воплотился в «Круге Земном»), скорее следует обсуждать в русле исландско-норвежских отношений, которые в это время приобрели особую остроту из-за стремления Норвегии подчинить себе Исландию, и как попытку опытного политика получить выход на новый, более высокий (теперь уже международный) уровень.

Деятельность Снорри в Норвегии позволяет предположить, что он, исходя из своего исландского опыта, полагал, будто в Норвегии политическая жизнь мало отличается от Исландии, где ежегодно заключались различные политические союзы, а впоследствии (когда в них отпадала необходимость) они так же легко разрушались.

Первую зиму в Норвегии Снорри провел при дворе ярла Скули Бардарсона (1189–1240 гг.), самого на тот момент влиятельного человека Норвегии, будущего зятя норвежского конунга Хакона IV Хаконарсона Старого (1204–1263). В 1218 г. ярл Скули был регентом четырнадцатилетнего Хакона, и они еще неплохо ладили между собой. При этом молодой конунг обладал меньшей реальной властью, чем его формальный вассал Скули.

Снорри правильно понял политическую ситуацию и стал вызывать больше почтения именно ярлу Скули, хотя хвалебные поэмы писал обоим правителям Норвегии и получал подарки и от одного, и от другого. «Сага об исландцах» отмечает и встречное доброжелательное отношение Скули к прибывшему исландцу, говоря: «ярл отлично принял Снорри»⁹. Несмотря на то, что это — типичный саговый оборот, описывающий положение приезжего исландца при любом иностранном дворе, исходя из последующих событий, можно с достаточной степенью вероятности полагать, что он соответствовал и реальному приему, оказанному Снорри.

Принято считать, что целью поездки Снорри как в Норвегию, так и в Швецию в 1219 г., в первую очередь, был сбор исторических сведений (Faulkes 2008. P. 312). Согласно «Саге об исландцах», он отправился в Западный Гаутланд, где провел зиму.

---

⁹ «Tók jarlinn forkunnar vel við Snorra» (Íslendinga saga. Kap. 35. Bls. 108).

Здесь, в главном городе Гаутланда Скаре он встречался с лагманом¹⁰ Аскелем Магнуссоном (1215–1227) и его женой Кристиной (ум. 1254 г.).

Встреча с Аскелем была хорошо продуманным дипломатическим шагом со стороны Снорри. Должность предводителя областного тинга Гаутланда была вполне соизмерима с должностью исландского законоговорителя. Так что Снорри и Аскель были коллегами сходного политического статуса. Поскольку Аскель не был конунгом, встреча с ним не должна была сказаться на отношениях Снорри с Хаконом, ее никак нельзя было бы расценить в качестве попытки связаться с правителем другого государства без ведома и одобрения конунга Норвегии. В то же время Аскель играл значительную роль в шведской политике, был приближенным к королевскому двору человеком, благожелательный настрой которого был ценен в дальнейшей перспективе международных союзов и договоров. Можно поэтому предположить, что целью контакта Снорри с Аскелем был не только (а может быть, и не столько) сбор исторических сведений. Информацией по шведской истории владел не только Аскель, а вот заручиться дружественной поддержкой целесообразнее всего было именно у него.

Однако никаких сведений о результатах дипломатической деятельности Снорри как в Норвегии, так и в Швеции не сохранилось: ими не стали ни союзнические договоры, ни письменные соглашения — все то, что в то время уже сопутствовало контактам глав различных государств, в том числе в Скандинавии. Более того, Стурла Тордарсон в «Саге об исландцах» явно подчеркивает частный характер шведской поездки Снорри, замечая, что «она [жена Аскеля. — *Е.Л.*] замечательно приняла Снорри и подарила ему много славных подарков»¹¹. Признавая власть своих норвежских патронов, будучи сам королевским лагманом и написав верноподданнические саги и висы о Хаконе и его сыне Магнусе, Стурла, вероятно, не считал себя вправе показывать и открыто за-

---

¹⁰ Лагман — предводитель областного тинга Гаутланда. Кроме того, Аскель был старшим братом ярла Биргира (ок. 1210–1266 гг.), зятя шведского конунга Юхана Сверкерссона (1216–1222). Жена Аскеля Кристина Никуласдоттир была внучкой шведского конунга и племянницей Маргрет (1189–1202), дочери шведского конунга Эрика IX Святого (1156–1160) и жены норвежского конунга Сверрира (1184–1202), предыдущий брак у нее был с предводителем берестяников ярлом Хаконом Шальным (ум. 1214 г.).

¹¹ «Tók hún [frú Christín] allvel við Snorra, ok veitti hönум margar sæmilegar gjafir» (Íslendinga saga. Kap. 35. Bls. 108).

являть, что его родич осуществлял какие-либо действия через голову норвежцев.

С современной точки зрения, Снорри, скорее, соединял в себе функции исландского культурного атташе и посла, не только собирая информацию по ранней истории Скандинавии, но и устанавливая дипломатические контакты (в данном случае — с Норвегией и Швецией) и беря на себя ответственность (как обоснованными заверениями, так и голословными обещаниями — *Íslendinga saga*. Кар. 38. Bls. 113) за изменение исландской внешней политики на пронорвежскую. Столь ответственное решение, на наш взгляд, ему позволяло принять то, что он не только принадлежал к верхушке исландской политической и социальной элиты, но и то, что, будучи законоговорителем, он, кроме того, что следил за соблюдением законности в Исландии, также принимал окончательные решения по самым крупным и проблемным вопросам. Все это сформировало решительный и самостоятельный характер Снорри и укрепило его во мнении, что именно ему принадлежит право решать за всех исландцев. Ярче всего это сказалось в отношениях с Норвегией. Снорри заручился «дружбой» норвежского королевского двора в лице ярла Скули в надежде обеспечить себе тылы и гарантировать невмешательство конунга в его внутриисландскую деятельность. Тем самым его отношения с норвежскими правителями должны были укрепить его власть в Исландии.

На тот момент Исландия еще была независимой страной со своим «парламентом» (альтингом). Однако в течение всего XIII в. шла постепенная инкорпорация элиты исландцев в норвежские политические структуры, им активно присваивались такие норвежские звания и титулы, как стольник¹², наместник¹³ или лендрман¹⁴. Большинство исследователей, опираясь на информацию «Саги об

---

¹² Стольник (*skutilsveinn*) изначально был старшим дружинником конунга, прислуживающим ему за столом. В исследуемый период это был, скорее, формальный титул, даваемый стороннику конунга без земельного пожалования.

¹³ Наместник, или сюзлудман (*sýslumaðr*) — человек, управляющий сюзлой, норвежским административным округом. Наместники назначались конунгом на полгода или год, затем можно было продлить срок или перевестись в другой округ.

¹⁴ Лендрман (*lendmaðr*, букв. «человек, наделенный землей») — норвежское должностное лицо, по статусу близкое к латинскому барону. Лендрманны получали земельные пожалования от конунга в обмен на политическую лояльность и поддержку, очень многие из них были представителями старой норвежской знати, согласившимися присягнуть конунгу на верность. В данный период исландцы наделялись этим титулом с целью проведения на острове политики норвежского конунга.

исландцах», сходятся на том, что Снорри в этот период также получил от Хакона титул стольника (Íslendinga saga. Kap. 38. Bls. 113), вероятнее всего, за обещание провести (или хотя бы поддержать) на альтинге решение вопроса о присоединении острова к Норвегии. На этом этапе Хакон (молодой и зависимый от собственного окружения, многие представители которого были лояльны к исландцам, особенно те, кого островитяне поддерживали в предыдущий период гражданских междоусобиц в Норвегии: Íslendinga saga. Kap. 38. Bls. 114) еще придерживался идеи о необходимости легитимной процедуры вхождения Исландии в состав норвежского королевства. Однако на тот момент попытки заставить альтинг Исландии проголосовать за присоединение к Норвегии провалились.

Несмотря на вероятный титул стольника и сопутствующие ему вассальные обязательства по отношению к норвежской короне, Снорри отстаивал в Норвегии собственные интересы. В частности, в конце своего пребывания в Норвегии Снорри пришлось решать проблемы его почти родного хутора Одди, жители которого вероломно ограбили норвежских купцов. Он отговаривал норвежцев от похода в Исландию против них. По словам Стурлы, Снорри «говорил, что разумнее было бы подружиться с лучшими людьми в Исландии, и утверждал, что он сумеет своими речами убедить народ подчиниться норвежским хёвдингам», поскольку «в Исландии нет более уважаемых людей, чем его братья»¹⁵. На наш взгляд, Снорри преследовал цель сохранить прежнее положение дел, при котором норвежцы не вмешивались во внутрисландские дела, и хотел избежать разорения региона, входящего в сферу его влияния. Не ясно только, насколько далеко простиралось его намерение признавать главенство норвежской власти: собирался ли он подтвердить подчиненный статус лишь формально, получив вместе с ним преимущество в междоусобной борьбе на родине, или осуществить какие-либо конкретные действия. Однако конунгу хватило и этого обещания. В обмен на это Хакон наделил Снорри титулом лендрмана, включив его в систему норвежской властной иерархии.

«Сага об исландцах» при этом отмечает, что получение титула лендрмана «было общим замыслом ярла со Снорри»¹⁶. Возмож-

---

¹⁵ «Ok kallaði þat ráð, at göra sér at vinum ina bezta menn á Íslandi, ok kallaðisk skjótt svá mega koma sínum orðum, at mönnum mundi sýnask at snúask til hlýðni við Noregs höfðinga... Hann sagði ok svá, at þá vóru eigi aðrir meiri menn á landinu en bræðr hans» (Íslendinga saga. Kap. 38. Bls. 113).

¹⁶ «Vóru þat mest ráð þeirra Snorra ok jarlsins» (Íslendinga saga. Kap. 38. Bls. 114).

но, что, на их взгляд, построение всей комбинации с уговорами Хакона и обещаниями должно было способствовать внедрению дружественно настроенного по отношению к ярлу человека в окружение Хакона, с одной стороны, и сохранению власти Снорри в Исландии — с другой. По всей видимости, Снорри намеревался и дальше оставаться союзником ярла.

О дружеских отношениях Снорри и Скули свидетельствует то, что за время пребывания Снорри в Норвегии ярл подарил ему корабль и 15 дорогих подарков (*Íslendinga saga*. Kap. 38. Bls. 114). В ответ Снорри, уже будучи в Исландии, сочинил о ярле две драпы. При этом в «Саге об исландцах» отмечается, что одна из них из-за своих стилистических недостатков стала объектом пародий (*Íslendinga saga*. Kap. 38. Bls. 114), и приводится ее стев, где подобоострастно воспевается политический авторитет ярла:

«Скули жестко, ражий,
Ярлов на престоле
Превзошел, сильнейший»¹⁷.

Следует отметить, что Снорри — один из немногих исландских светских политических деятелей, удостоившихся упоминания в исландских анналах помимо дат смерти и выборов законоговорителей. При этом в исландских анналах мало уникальной информации, отсутствующей в сагах. В большинстве из них сообщается только о самом факте поездок Снорри в Норвегию (*Íslandske Annaler*. Bls. 25, 125, 130). Развернутое свидетельство касается назначения Снорри титулом лендрмана, присутствующее в Королевских Анналах в статье 1218 г., где среди прочего говорится, что «Конунг Хакон назначил Снорри Стулусона лендрманом. И тогда Снорри поехал в Исландию»¹⁸. Необходимо отметить также, что анналы упоминают в связи с этим назначением только Хакона, тогда как, согласно «Саге об исландцах», пожалование было дано одновременно конунгом и ярлом¹⁹.

Получение Снорри титула лендрмана — знаковое событие для исландской истории, поскольку оно было первым случаем заклю-

¹⁷ Пер. А.В. Циммерлинга. Цит. по: Сага об исландцах. С. 114. Оригинальный текст стева: *Harð-múlaðr var Skúli. / Rambliks framar miklu. / Gnaphjarls skaraðr jarla (Íslendinga saga. Kap. 38. Bls. 114).*

¹⁸ «Hákon konvngur górdi Snorra Stvrlv son lenndan mann. Ok þá fór Snorri til Íslandz» (*Íslandske Annaler*. Bls. 125).

¹⁹ «Конунг Хакон и ярл Скули назначили Снорри своим лендрманом» («en þeir Hákon konungur ok Skúli jarl gördu Snorra lendan mann sinn» — *Íslendinga saga*. Kap. 38. Bls. 114).

чения вассального договора норвежской короны с исландским хёвдингом (Andersson 1999. P. 927). Люди, становящиеся лендрманами, должны были обладать достаточным могуществом, чтобы привлечь к себе внимания конунга и заинтересовать его в этом пожаловании (Jón Viðar Sigurðsson 1995. P. 156). При этом были соблюдены все стандартные норвежские условия: Снорри обещал проводить норвежскую политику в Исландии, а сын Снорри Йон Малёк в 1221 г. отправился в Норвегию заложником и гарантом выполнения Снорри соглашений с конунгом (Íslendinga saga. Kap. 41. Bls. 121).

Пятнадцатью годами позже, когда разгорелась борьба между ярлом Скули и Хаконом, племянник Снорри Стурла Сигхватссон (1199–1238 гг.), побывавший в 1233 г. в Норвегии, повел себя совершенно иначе (Íslendinga saga. Kap. 92. Bls. 194–195). По пути в Рим он остановился у Альва, зятя ярла Скули. По свидетельству «Саги об исландцах», Альв «просил его подождать, пока герцог²⁰ подъедет с севера; он сказал, что хочет, чтобы тот (т.е. Стурла. — *Е.Л.*) вошел в число друзей герцога. Альв говорил Стурле, что герцог окажет ему как выдающемуся человеку почести бóльшие, чем другим людям, и сказал, что герцог — главный друг исландцев и тем более Стурлунгов. Стурла не хотел ничего другого, как отправиться на юг в Берген к конунгу Хакону. А тогда была большая вражда между свояками (конунгом и герцогом. — *Е.Л.*), и они набирали себе ополчение везде, где только могли»²¹. Как видим, ярл Скули действует по старой схеме, намереваясь заключить союзный договор с очередным Стурлунгом, однако Стурла Сигхватссон уже склонен поддержать конунга. Стурла отвергает возможную коалицию со Скули, отдавая предпочтение официальному правителю, придерживаясь, помимо прочего, линии поведения типичного исландца при дворе, который обязан выражать свою признательность и лояльность конунгу.

Несмотря на то, что автор «Саги об исландцах» описывал паломничество своего двоюродного брата в соответствии с саговы-

---

²⁰ На тот момент Скули еще не был герцогом, но автор саги упорно именуется этим титулом.

²¹ «Ваð hann þar bíða þess er hertoginn kæmi norðan ok sagðisk, vilja koma honum í vináttu við hertogann. Sagði Álfr Sturlu, at hertoginn mundi gera hann at inum mesta sæmdarmanni, slíkt afbragð sem hann var annarra manna, en kallaði hertogann vera inn mesta vin Íslendinga ok þá mestan Sturlunga. Sturla vildi ekki annat, en fara suðr til Björgvinjar á fund Hákonar konungs. En þá var sundrþykki mikit með þeim mágum ok drógu þeir þá lið saman slíkt er þeir fengu» (Íslendinga saga. Kap. 92. Bls. 194).

ми стандартами и использовал при этом типично саговые обороты (Rohrbach 2017. P. 95–98), события, касающиеся дальнейшего союза Стурлы Сигхватссона и конунга Хакона в обмен на обещание подчинить Исландию, вероятнее всего, имели место. Стурла Тордарсон писал о них также в другом месте своей саги (*Íslendinga saga*. Kap. 139. Bls. 265), и более подробное их изложение имеется в «Саге о Хаконе Старом» (*Hákonar saga*. Kap. 150. Bls. 232–233, Kap. 157. Bls. 246). Тем самым Стурла Сигхватссон повел совершенно иную политическую игру, нежели Снорри, полностью поддержав действия конунга и попытавшись извлечь из них выгоду для себя лично.

Снорри же с согласия и разрешения норвежского конунга (на этот раз!) в 1220 г. вернулся в Исландию, и уже в 1222 г. он снова стал законоговорителем (что подтверждается свидетельством *Annalov Скаульхольта: Islandske Annaler*. Bls. 126). Тем самым Снорри закрепил свой статус высшего должностного лица Исландии и крупного политического деятеля. Он оставался законоговорителем в течение 10 лет, вплоть до 1232 г., и постоянно выступал как сторонник норвежского конунга²², оправдывая возложенные на него Хаконем надежды. Однако под конец Снорри стал пропускать заседания альтинга из-за возрастных болезней суставов. Возможно, это был лишь предлог для уклонения от решения острых политических вопросов (Снорри к концу срока законоговорителя было 54 года), поскольку его политический авторитет сильно пошатнулся. Снорри мог осознавать уменьшение собственного политического влияния, но не желал показывать это другим и доводить дело до открытого столкновения на альтинге.

Целенаправленная поддержка Снорри политики норвежского конунга и норвежских властей (даже в мелких экономических тяжбах с норвежскими торговцами) с первых месяцев ее проявления вызвала резкое недовольство в среде исландских хёвдингов и привела к тому, что против него стали выступать многие

---

²² Политические воззрения Снорри нашли свое отражение и в его литературном творчестве. «Круг земной» был написан ок. 1230 г., когда Снорри еще пребывал в плену собственных политических иллюзий. В этом произведении исследователи видели политизированность содержания и отражение авторской уверенности в необходимости власти конунга (Koht 1921; Bagge 1991. P. 72, 78–79, 85, 118–119, 129, 133, 141; Bagge 1994. S. 9–13; Andersson 1994. P. 58; Гуревич 2005. С. 139; Мельникова 2016. С. 496–497) или исландской знати (Sandvik 1955. P. 56, 98). Однако находились и те, кто отрицал наличие у него какой бы то ни было тенденциозности (Paasche 1922).

представители крупных исландских родов. Исландцы расценили такое поведение своего законоговорителя как предательство и отвернулись от него. На первых порах это особенно касалось жителей Южной четверти, распрю которых с норвежскими купцами Снорри стал улаживать, учитывая исключительно интересы норвежской короны. Со временем главным соперником Снорри на исландской политической арене стал Гицур Торвальдссон (1208–1268 гг.) — глава хаукдальцев (владельцев хутора Хаукдаль в Южной четверти), второго по значению исландского рода, претендовавшего, как и Стурлунги, на единоличную власть в стране (Sverrir Jakobsson 2009. P. 123–128).

Родственные связи в Исландии в XIII в. уже не гарантировали союзнических отношений, что видно на примере действий самих Стурлунгов. В результате внутриклановых ссор (против Снорри выступили его брат Сигхват и сын последнего Стурла) Снорри оказался вытеснен на запад Исландии и лишен части своего политического влияния. Хакона не устраивали убийства в среде исландской знати, происходившие в ходе межродовых распрей. Он попытался вмешаться и пригласил Стурлунгов в Норвегию на переговоры. Этот маневр, по-видимому, был прозрачен для обоих братьев, Сигхвата и Снорри, они понимали, что может произойти с ними в Норвегии. Сигхват демонстративно начал стараться воплотить намерение конунга в жизнь: он со своим сыном Стурлой захватил Орэкью и устроил ему «политическую казнь».

Снорри приехал в Норвегию во второй раз в конце 1237 г. вместе с освободившимся Орэкьей и племянниками Тордом Сигхватссоном Какали (1210–1256 гг.), Торлейвом Тордарсоном и Олавом Белым Скальдом (Íslendinga saga. Kap. 126. Bls. 237). В этот приезд он первую зиму провел в Нидаросе у к тому времени уже герцога²³ Скули (при этом Торд Какали сразу отправился в Берген ко двору конунга Хакона), а затем переехал в Осло, когда там одновременно находились и Хакон, и Скули. При этом Снорри контактировал в основном со Скули. Орэкья жил при дворе самого Скули, а Снорри поселился у сына Скули Петра (Íslendinga saga. Kap. 127. Bls. 238).

И в этот раз Снорри продолжил вести себя в соответствии с исландскими представлениями о дипломатических процедурах,

---

²³ По свидетельствам исландских анналов, Скули стал герцогом в 1238 г. (Íslandske Annaler. Bls. 130).

ошибочно полагаясь на защиту «дружеских» — квазиродственных связей. В своих внешнеполитических комбинациях он по-прежнему исходил из знакомых ему исландских реалий и намеревался договариваться, сохраняя личную самостоятельность в принятии решений, что совершенно не вписывалось в норвежские правила политической жизни.

В долговременной перспективе Снорри сделал ставку не на ту политическую фигуру: влияние Скули падало, противостояние между Хаконем и Скули из-за властных притязаний последнего все обострялось, а Снорри продолжал поддерживать Скули. Поэтому конунг разочаровался в Снорри как в королевском ставленнике в Исландии. Он стал искать возможность использовать в своих интересах других исландских хёвдингов, предлагая им те же привилегии, которые ранее были у Снорри²⁴.

В то же время обстановка в Исландии все усложнялась. В августе 1238 г. Гицур и Кольбейн Младший убили Сигхвата и четверых его сыновей (в том числе и Стурлу). Узнав об этом, Снорри, проигнорировав свои придворные обязанности, решил, что исландские дела и проблемы родственников для него важнее, и попросил у конунга разрешения вернуться домой. Однако Хакон уже сомневался в политической лояльности Снорри и проведении им королевских интересов в Исландии, поэтому он предпочел держать Снорри при себе, пользуясь вассальным положением последнего. Кроме того, конунг ясно понимал, что Снорри начнет на острове новый виток распри, сочтя необходимым отомстить за родичей, что никак не вписывалось в то видение исландской политики — прекращения распрей, которое было у Хакона. Исходя из всего этого, в 1239 г. конунг запретил всем исландцам выезжать из страны. Однако Снорри не подчинился.

Судя по сообщению Стурлы в «Саге об исландцах», Снорри при этом не стал действовать на свой страх и риск, а заручился

---

²⁴ См. выше о договоре конунга и Стурлы Сигхватссона, на основании которого Стурла также дал обещание подчинить Исландию норвежской короне. В «Саге об исландцах» говорится, что «было много разговоров о том, что Стурла и конунг договорились между собой, что он (Стурла. — *Е.Л.*) завоеует страну для конунга Хакона, а конунг сделает его хёвдингом всей страны. Конунг Хакон при этом больше всего предупреждал Стурлу, чтобы тот не увеличивал убийств в стране, а высылал врагов [в Норвегию]» («þat var mjök talað, at þeir Sturla hefðu þau ráð gert, at hann skyldi vinna land undir Hákon konung, en konungr skyldi gera hann höfðingja yfir landinu. Hafði Hákon konungr þar mest varaðan Sturlu við at hann skyldi eigi auka manndráp á landinu ok reka menn heldur utan» — *Íslendinga saga*. Kap. 139. Bls. 265).

поддержкой герцога Скули: «весной... по совету герцога (выделено мной. — Е.Л.) снарядили корабль в плавание»²⁵. Краткое сообщение о нарушении Снорри запрета Хакона присутствует в «Саге о Хаконе Старом» (Hákonar saga. Kap. 163. Bls. 286), однако более подробно эти события отражены в «Саге об исландцах», из текста которой идет, в том числе и ставшее впоследствии знаменитым изречение, вложенное в уста Снорри *út vil ég* «я хочу выйти» (Íslendinga saga. Kap. 143. Bls. 270). В саге рассказывается также, со ссылкой на свидетельство Арнфинна Ворссона (ум. 1241 г.), что на домашнем пиру перед отплытием Скули дал Снорри звание ярла: «Арнфинн рассказывал, что будто герцог дал Снорри звание ярла, и так потом написал Стюрмир Мудрый: “Кончина Снорри, тайного ярла”. Однако никто из бывших там исландцев не подтвердил этого»²⁶. А.В. Циммерлинг считает сообщение Стурлы достоверным, а его формулировку — обусловленной невозможностью для Стурлы Тордарсона признать статус Снорри как ярла на момент написания саги (Сага об исландцах. С. 405, сн. 687). Косвенным подтверждением достоверности событий может служить, на наш взгляд, и ссылка на Стюрмира Карасона Мудрого (1170 (?) — 1245 гг.), законоговорителя, уважаемого в исландском обществе политика и ученого, бывшего в свое время помощником Снорри.

Тем самым можно говорить о том, что, с одной стороны, герцог Скули чувствовал себя еще настолько уверенно, что раздавал титулы в надежде на получение трона. А с другой — Снорри, оставшись верным своей политической позиции и продвигаясь по норвежской иерархической лестнице, стал «оппозиционером» для конунга Хакона. Это обострение отношений с конунгом оказалось для Снорри роковым.

После своего возвращения из второй зарубежной поездки внешне Снорри вел себя как обычно: решал накопившиеся тяжбы, был вновь избран на должность законоговорителя, т.е. продолжал действовать как глава рода и по-прежнему авторитетный политик (Íslendinga saga. Kap. 145. Bls. 272). Однако позже он передал родовой годорд своему племяннику Стурле Тордарсону (Íslendinga

²⁵ «En um vátit... bjuggu þat til hafs með ráði hertogans» (Íslendinga saga. Kap. 143. Bls. 270).

²⁶ «Ok var þat sögn Arnfinns at hertoginn gæfi Snorra jarlsnafn ok svá hefir Styrmir inn fróði ritat: Ártíð Snorra fólgsnarjarls. En engi þeirra Íslendinganna lét þat á sannast» (Íslendinga saga. Kap. 143. Bls. 270).

saga. Kap. 145. Bls. 273) и создал с ним и с Орэкьей коалицию против хаукдальцев (Íslendinga saga. Kap. 150. Bls. 278).

После смерти Скули весной 1240 г., ознаменовавшей конец гражданской войны в Норвегии и установление единовластия Хакона, конунг стал расправляться с негодными ему людьми. Снорри, в его глазах, был уже главой антинорвежского движения в Исландии. Теперь у Хакона появилась возможность признать Снорри государственным преступником и разрешить лояльным исландцам преследовать его с целью водворения в Норвегию на королевский суд. Этим воспользовался Гицур, получивший в 1240 г. из Норвегии приказ Хакона о захвате или убийстве Снорри (Íslendinga saga. Kap. 145. Bls. 273). Гицур выбрал сторону Хакона, рассчитывая одновременно на привилегии и законную ликвидацию своего давнего противника, которая бы кардинально ослабила род его главных соперников в борьбе за господство на исландской внутривластной арене (Einar Ólafur Sveinsson 1953. P. 81).

Противостояние Снорри и Гицура²⁷ (с каждой стороны было больше сотни вооруженных людей) на альтинге привело к временному перемирию и уплате штрафов. Однако 21 сентября люди Гицура и Кольбейна Арнорссона Младшего (1208–1245 гг.) напали на хутор, где жил Снорри, Дымный Лес, а 23 сентября зарубили Снорри и сожгли хутор (Íslendinga saga. Kap. 151. Bls. 279).

По справедливому мнению П. Булозы, убийство Снорри как приверженца герцога Скули оказалось переломным моментом как норвежской, так и исландской истории (Boulhosa 2005. P. 5–42). После убийства Снорри Стурлусона конунг объявил, что все земли Снорри как нарушителя королевского приказа конфискуются в пользу наместника конунга. При этом Хакон утверждал, что пощадил бы Снорри, если бы тот сдался и прибыл на его суд (Íslendinga saga. Kap. 152. Bls. 280). Необходимость такого оправдания показывает, что влияние конунга в Исландии еще не было доминирующим. Но в дальнейшем противостоять конунгу никто из исландцев не осмеливался, остров все больше подпадал

---

²⁷ Официальным поводом распри стала тяжба Снорри с пасынками из-за наследства Халльвейг, первый муж которой Бьёрн Торвальдссон был сводным братом Гицура. Если учесть, что дочь Снорри Ингибьёрг была первой женой Гицура, а Кольбейн Младший был женат на другой дочери Снорри Халльбере, получается, что они оба были зятьями Снорри и вся распря велась между родственниками, кровными и свояками.

под власть Норвегии, пока, наконец, в 1262 г. не произошло его официальное присоединение.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что Снорри Стурлусон был не только крупным политическим деятелем Исландии, одним из ключевых лидеров исландского социума, но он показал себя как уверенный дипломат, действовавший в Норвегии и Швеции. Исходя из расклада политических сил, Снорри сделал ставку на ярла Скули Бардарсона, заручившись его поддержкой. При этом проявилось столкновение двух различных дипломатических практик: Снорри вел себя так, будто общался с представителями других исландских родов, устанавливая квазиродственные связи. Такой стиль поведения не соответствовал изменившимся норвежским реалиям, его статус в Норвегии определялся полученным им местом в норвежской, а не исландской иерархии, после чего его деятельность стала оцениваться с позиций его вассальных отношений к королевской власти.

Ситуация кардинально изменилась во время его второй поездки в Норвегию. Снорри остался верен своему политическому союзнику Скули, но влияние последнего при норвежском дворе катастрофически падало. Повзрослевший Хакон забирал власть в свои руки и расправлялся с конкурентами и противниками. Сложное положение было и в самой Исландии, раздираемой не только межродовыми усобицами, но и враждой внутри рода Стурлунгов. Когда события в Исландии чрезмерно накалились, Снорри покинул норвежский двор вопреки прямому приказу Хакона. Конунг воспринял это как личное оскорбление и нарушение вассальных обязательств и позволил противникам Снорри преследовать последнего на острове, что и привело в конечном итоге к его гибели. Хакон избавился от оппонентов и в скором времени сумел окончательно подчинить себе Исландию.

Таким образом, можно считать Снорри фигурой непреходящей важности. Снорри принадлежал к последнему поколению независимых исландских хёвдингов, но политическая прагматика заставила его стать одним из первых исландских придворных норвежского конунга. Он не сумел до конца вписаться в новую эпоху с новыми принципами и ценностями. Снорри в своих внешнеполитических комбинациях исходил из знакомых ему исландских реалий и сочетал готовность подчиняться, сохраняя личную самостоятельность в принятии решений, самоуверенно полагая, что, подчинив Исландию, сумеет сохранить

свою независимость и в Норвегии. Однако в этом его постигла неудача. При этом такой яркой собственной политической позиции, какой придерживался Снорри, больше ни у кого из его современников не наблюдалось.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Гуревич А. Я.* Снорри Стурлусон — средневековый историк // *Гуревич А. Я.* История — нескончаемый спор. М., 2005. С. 138–160.
- Джаксон Т. Н.* Школы и центры учености в Исландии в первые века христианства // *Европейская педагогика от античности до нового времени: исследования и материалы. Сборник научных трудов.* М., 1993. Ч. I. С. 218–227.
- Мельникова Е. А.* Генеалогия и начала исландско-норвежского историописания // *ДГ, 2013 год: Зарождение историописания в обществах Древности и Средневековья.* М., 2016. С. 464–526.
- Стурла Тордарсон.* Сага об исландцах / Пер., общ. ред., вступ. ст. и коммент. А. В. Циммерлинга. СПб., 2007.
- Andersson Th. M.* The Politics of Snorri Sturluson // *JEGP.* Vol. 93. № 1. 1994. S. 55–78.
- Andersson Th. M.* The King of Iceland // *Speculum.* Vol. 74. № 1. 1999. P. 923–934.
- Bagge S.* Society and Politics in Snorri Sturluson's *Heimskringla*. Berkeley (LA), 1991.
- Bagge S.* Snorres bilde av det tidlige norske kongedømmet // *Myter og ritual i det førkristne Norden / J.P. Schjødt et al.* Odense, 1994. S. 9–22.
- Boulhosa P. P.* Icelanders and the King of Norway. (The Northern World. Vol. 17) Leiden, 2005.
- Einar Ólafur Sveinsson.* The Age of the Sturlungs: Icelandic Civilization in the Thirteenth Century. N.Y., 1953 (Islandica. Vol. 36).
- Faulkes A.* Snorri Sturluson: his Life and Work // *The Viking World.* L.; N.Y., 2008. P. 311–314.
- Guðni Jónsson.* Formáli // *Sturlunga saga / Guðni Jónsson bjó til prentunar.* Reykjavík, 1981. Bd. 2.
- Hákonar saga gamla eftir Sturla Þórðarsonar // Konunga sögur / Guðni Jónsson bjó til prentunar.* Reykjavík, 1957. Bd. 3.
- Islandske Annaler indtil 1578 / Utg. ved G. Storm.* Kristiania, 1888.
- Íslendinga saga // Sturlunga saga / Jón Jóhannesson, Magnús Finnbogason og Kristján Eldjárn göfu út.* Reykjavík, 1946. Bd. 1. Bls. 65–366.
- Jón Viðar Sigurðsson.* Frá goðorð umtil ríkja. Reykjavík, 1989.
- Jón Viðar Sigurðsson.* The Icelandic Aristocracy after the Fall of the Free State // *Scandinavian Journal of History.* 1995. Vol. 20. P. 153–166.

- Jón Viðar Sigurðsson*. The Education of Sturla Þórðarson (and the Icelandic Elite) // Sturla Þórðarson. Skald, chieftain and lawman / Ed. by Jón Viðar Sigurðsson and Sverrir Jakobsson. (The Northern World. Vol. 78). Leiden, 2017. P. 20–30.
- Koht H.* Sagaens opfatning av vår gamle historie // *Koht H.* Innhogg og utsyn i norsk historie. Kristiania, 1921.
- Paasche F.* Tendens og syn i kongesagaen // Edda. 1922. Vol. 12.
- Pétur Sigurðsson*. Um Íslendinga sögu Sturla Þórðarsonar // Safn til sögu Íslands og íslenzkra bókmenta að fornu og nýju. Reykjavík, 1933–1935.
- Rohrbach L.* Narrative Negotiations of Literacy Practices in *Íslendinga saga* and *Hákonar saga Hákonarsonar* // Sturla Þórðarson. Skald, Chieftain and Lawman / Ed. Jón Viðar Sigurðsson and Sverrir Jakobsson. (The Northern World. Vol. 78) Leiden, 2017. P. 93–106.
- Sandvik G.* Hovding og konge i Heimskringla. Oslo, 1955.
- Sverrir Jakobsson*. The Territorialization of Power in the Icelandic Commonwealth. Berkeley, 2009.

Elena V. Litovskikh

SNORRI STURLUSON'S DIPLOMATIC ACTIVITIES AT THE NORWEGIAN ROYAL COURT

The Icelander Snorri Sturluson (1178–1241) was not only a famous writer and historian. He also establish himself as an outstanding figure in the domestic political arena and attempted to act as a diplomat at the court of Norwegian king Hákon IV Hákonarson (1204–1263) to regulate the relations between Iceland and Norway. His diplomatic activity in Norway, however, was hampered by the collision if two basically different diplomatic practices: Icelandic, based on personal connections between the mightiest Icelandic clans in which cardinal role was played by kin and affinity relations, and Norwegian, hierarchical and feudal. Snorri was the last Icelandic *höfðingi* who pursued an independent foreign policy of Iceland, and that together with his attempt to construct his relations with the highest Norwegian authorities according to the Icelandic model cost him his life.

Keywords: Snorri Sturluson (1178–1241), *Íslendinga saga*, Hákon IV Hákonarson (1204–1263), foreign diplomacy

DOI: 10.32608/1560-1382-2020-41-332-348